

Тихонова Екатерина Сергеевна БПСХЛ232

«Влияние напоминания о смерти на отношение к мигрантам из Центральной Азии»

Введение

Психологи долгое время интересуются изучением отношения к различным социальным группам. Среди данных социальных групп особое место занимают мигранты.

Миграция является одним из важных факторов современной социальной жизни любого развитого общества. При этом масштабы миграции определяются комплексом социально-экономических, демографических и политических факторов. Существенное влияние на адаптацию и интеграцию мигрантов оказывает отношение принимающего сообщества.

В соответствие с данными масштабного социологического исследования 2014 года — «Европейское Социальное Исследование» (European Social Survey, ESS)» — россияне демонстрировали негативное отношение к мигрантам в целом, однако становились куда критичней, когда речь заходила о приезжих из более бедных стран, расположенных за пределами Европы. Для россиян миграция из более бедных стран ассоциируется, прежде всего, с приезжими из Центральной Азии (Prokhoda, 2017).

Применительно к таким мигрантам россияне демонстрируют минимальную степень готовности приема. Только 7,1% респондентов были согласны с тем, что следует позволить переезжать в Россию мигрантам из Центральной Азии. Одновременно каждый четвертый (24,2%) опрошенный допускал возможность переезда лишь некоторых, а 31,5% — немногих мигрантов из бедных стран. При этом предположительно почти третья населения страны (31%) считала необходимым полный запрет миграции из стран Центральной Азии.

Основные опасения россиян связаны с негативным влиянием миграции на культуру принимающего сообщества. В сознании респондентов приток людей из других стран ассоциируется с разрушением культурного поля России – 3,87 балла (от 0 баллов – разрушает культуру страны до 10 баллов – обогащает культуру страны) (Prokhoda, 2017).

В социальной психологии существуют различные теории, объясняющие аспекты межгрупповых взаимоотношений. Текущее исследование основано на теории

управления страхом смерти, потому что именно в ее основании лежит поляризация культурного мировоззрения.

В соответствии с данными некоторых исследований, напоминание о смерти приводит к усилению национальной идентичности и предубеждений к представителям аутгруппы. Например, при актуализации мыслей о смерти американцы демонтируют предубеждения по отношению к латиноамериканским мигрантам (Pan et al., 2017), а итальянцы демонстрируют негативное отношение к немцам (Castano et al., 2002).

Однако в данных существуют противоречия — некоторые исследования показывают, что иногда условие страха смерти не дает подобного эффекта. Например, в условии напоминания о смерти американцы не демонстрировали негативного отношения к мигрантам из Канады (Bassett, Connelly, 2011), а в Китае снижались предубеждения к корейцам (Feng et al., 2017).

В связи с современной новостной повесткой России, граждане особенно часто сталкиваются со стимулами, которые могут вызвать напоминания о смерти. При этом в последние годы антимигрантские настроения набирают еще большую популярность.

По данным социологической службы Russian Field от августа 2024 года, 54% респондентов негативно относятся к мигрантам из Центральной Азии в противовес 30% респондентов, выражающих положительное отношение. При этом 72% респондентов выступают за введение визового режима со странами Центральной Азии (Отношение россиян к мигрантам из Центральной Азии, 2024).

Проблема исследования заключается в двух аспектах. Во-первых, недостаточное понимание влияния напоминания о смерти на отношение к мигрантам из-за противоречивых результатов предшествующих исследований. Во-вторых, недостаток данных по постсоветскому пространству.

Цель настоящего исследования заключается в анализе влияние напоминания о смерти на отношение к мигрантам из Центральной Азии.

Литературный обзор

Отношение к аутгруппам — тема, которая давно изучается в социальной психологии. Одна из теорий, в рамках которой рассматривается отношение к различным группам — это теория управления страхом смерти, она же Terror Management Theory, (Solomon et al., 1991), которая пытается способствовать пониманию

социального поведения, уделяя особое внимание животной природе человека. Именно в рамках этой теории и проводилось текущее исследование.

Теория управления страхом смерти предполагает, что все люди обладают биологическим инстинктом самосохранения. И, следовательно, все человеческие мотивы происходят именно из данного инстинкта. Однако люди, в отличие от животных, обладают сложными интеллектуальными способностями. Благодаря им человек может адаптироваться к различным условиям, но они же позволяют человеку представлять будущие события и размышлять о себе, а следовательно, осознавать, что каждый человек смертен. Конфликт между врожденным стремлением выжить и осознанием неизбежности смерти порождает у людей “парализующий страх”.

Чтобы преодолеть возникающий страх от осознания собственной смертности, люди создают и поддерживают существование культуры, которая помогает минимизировать этот ужас. Культура предоставляет общий символический контекст, тем самым наполняя вселенную порядком, смыслом, стабильностью и постоянством. Создание и принятие различных культурных верований — это особая психологическая защита, снижающая парализующий страх, вызванной осознанием конечности человеческого существования.

Культурные верования представляют собой систему взглядов, включающую несколько ключевых элементов: понимание реальности, подчеркивающее осмысленность, целенаправленность и ценность человеческого существования; нормы, позволяющие оценивать поведение человека; а также убеждение, что следование этим нормам дает возможность достичь символического бессмертия.

Самоценность — это оценка себя как ценного участника значимой культуры. Приобретение этого чувства ценности требует, чтобы человек как принимал культурные ценности как абсолютно обоснованные, так и считал себя живущим в соответствии с этими стандартами. Чтобы избежать страха, который в противном случае возник бы из-за осознания уязвимости и смертности, жизнь людей, таким образом, сосредоточена на поддержании самоценности, что требует как веры в некое усвоенное мировоззрение, так и удовлетворения культурно предписанных стандартов ценности.

В современном мире сосуществуют множественные интерпретации реальности, однако отсутствуют универсальные критерии для определения их истинности. В таких условиях человек подтверждает обоснованность собственного культурного мировоззрения, опираясь на мнение окружающих. Единомышленники укрепляют его

уверенность в правильности своих взглядов, тогда как сторонники иных убеждений могут эту уверенность подрывать.

Активация мыслей о смерти усиливает потребность индивида в культурных верованиях, выполняющих защитную функцию против экзистенциальной угрозы. Для сохранения устойчивости своей картины мира человек склонен демонстрировать позитивное отношение и поведение по отношению к носителям схожих ценностей, в то время как к представителям иных мировоззрений проявляет предубежденность (Pyszczynski et al., 2015).

Напоминание о смерти оказывает глубокое и устойчивое воздействие на восприятие человеком окружающих. Под влиянием напоминания о собственной смертности индивид склонен демонстрировать более теплое и одобрительное отношение к тем, кто разделяет его убеждения, и, напротив, усиливает неприязнь к отдельным людям или целым социальным группам, подвергающим сомнению его ценности.

Осознание неизбежности смерти усиливает идентификацию с собственной группой (ингруппой) и одновременно обостряет негативное восприятие чужих групп (аутгрупп). При этом в роли аутгрупп могут выступать самые разные сообщества — отличающиеся по сексуальной ориентации, религиозным взглядам, расовой или национальной принадлежности. Таким образом, напоминание о смертности способствует укреплению границ между «своими» и «чужими».

В соответствии с данными многих исследований, люди по всему миру более негативно относятся к разным аутгруппам вследствие напоминания о смерти. Например, у студентов американских университетов повышается уровень антисемитизма — они более негативно относятся к евреям (Cohen et al., 2009). Исследования на немецких выборках продемонстрировали более негативное отношение к людям из Турции (Pyszczynski et al., 2003). Жители европейских стран хуже относятся к арабам, особенно к арабам-мигрантам, и наоборот — арабы также более негативно относятся к гражданам Европы (Das et al., 2008).

Однако отдельные работы демонстрируют куда более противоречивые результаты, которые свидетельствуют о том, что напоминание о смерти оказывает негативное влияние на отношение к одним аутгруппам, но не влияет на отношение к другим. Например, после напоминания о смерти американские студенты демонстрировали более негативное отношение к мигрантам из Латинской Америки, но не эта тенденция не наблюдалась в отношении к канадским мигрантам (Bassett,

Connelly, 2011). Ситуация аналогична в отношении негативного американцев к евреям после эффекта напоминания о смерти и к отсутствию эффекта в случае отношения к мигрантам из Индии (Cohen et al., 2009). На наш взгляд, эти различия могут быть связаны с восприятием угрозы, исходящей от аутгруппы.

В соответствии с теорией управления страхом смерти после напоминания о смерти люди стремятся защитить ингруппу. Для этого они обесценивают и отвергают людей, которые угрожают этому сообществу. Следовательно, можно предположить, что напоминание о смерти оказывает большее влияние на отношение к аутгруппам, которые воспринимаются как источник угрозы. В зависимости от ситуации «угрожающими» могут казаться люди с другими политическими и религиозными взглядами, члены других этнических групп, жители других стран и т.д.

Как упоминалось ранее, россияне демонстрируют негативное отношение к мигрантам из Центральной Азии во многом из-за воспринимаемой культурной угрозы, что говорит о том, что приезжие из данных государств, по большей части, воспринимаются как «угрожающие» и «недоброжелательные».

В нашем исследовании было проанализировано, как напоминание о смерти влияет на отношение к мигрантам из Центральной Азии. Предполагалось, что напоминание о смерти будет усиливать негативное отношение к мигрантам из Центральной Азии (гипотеза 1). Это происходит, поскольку, по мнению многих людей, мигранты из данных стран угрожают благополучию и, как следствие, культурному мировоззрению жителей их собственной страны.

Отношение к любой социальной группе, в том числе и к мигрантам из Центральной Азии, можно разделить на несколько компонентов: когнитивный (групповое доверие), эмоциональный (групповая симпатия) и поведенческий (социальная дистанция) (Прусова & Гулевич, 2020). Предполагается, что отношение к мигрантам из Центральной Азии по предъявленному опроснику оценки социальной дистанции будет более негативным у респондентов, подвергшихся воздействию напоминания о смерти, нежели у респондентов, не подвергшихся подобному воздействию (гипотеза 1.1). Аналогичная разница в отношении предполагается и для методики, измеряющей групповое доверие (гипотеза 1.2), и для методики, измеряющей групповую симпатию (гипотеза 1.3).

Исследование

Метод

Выборка

В исследовании приняли участие 76 человек (57 женщин и 19 мужчин) в возрасте от 18 до 70 ($M = 36.57$; $SD = 14.40$), идентифицирующие себя как русских или славян. 38 человек в экспериментальной группе ($N = 38$) и 38 — в контрольной ($N = 38$). Исследование проводилось в онлайн-формате, респонденты были набраны путем распространения Google Формы. Участники дали информированные согласие на участие в эксперименте.

Экспериментальный план

В исследовании было создано два экспериментальных условия: напоминание о смерти (видеозаписи с террористическими актами) и контрольное условие (видеозаписи с лечением зубов).

Для активации напоминания о смерти использовалась процедура, разработанная Гринбергом и коллегами (Greenberg et al., 1990). В экспериментальном условии респонденты смотрели репортажи о террористическом акте в Беслане 2004 года. Эти репортажи включали изображения взрывов, разрушенных зданий и жертв террористов. После этого люди письменно отвечали на два вопроса: «Представьте, что вы оказались на месте жертвы террористического акта, как люди на видео. Какие чувства вы испытываете? Подробно опишите ваши чувства», «Что вы думаете, с вами бы произошло, если бы вы оказались на месте жертвы террористического акта? Подробно опишите ваши мысли»

В контролльном условии участники смотрели репортажи о лечении зубов. В этих репортажах демонстрировалось лечение кариеса и установка зубных имплантов. После этого люди письменно отвечали на два вопроса: «Представьте, что вы оказались на месте пациента стоматологической клиники, как люди на видео. Какие чувства вы испытываете? Подробно опишите ваши чувства», «Как вы думаете, что с вами произошло бы, если бы вы оказались на месте пациента стоматологической клиники? Подробно опишите ваши мысли».

Чтобы проконтролировать силу экспериментального воздействия, была использована методика, которая проверяет наличие мыслей, связанные со смертью. Для их измерения было использовано задание на завершение слов, русскоязычный вариант

которого включает в себя 5 нейтральных слов и 5 ключевых слов с пропущенными буквами. Участники исследования должны завершить написание слова, вставив недостающие буквы. Вариант дополнения нейтральных слов (крик, игра, град, рама, помада) только один, в то время как ключевые слова (прах-крах, морг-морс, гибель-кисель, гроб-гриб, труп-трап) могут быть дополнены двумя разными способами (или более, чем двумя, но один вариант предполагает слово, связанное со смертью). Для контроля экспериментального воздействия были использованы ключевые слова. Участники исследования из экспериментального условия должны были написать больше слов, связанных со смертью, чем респонденты из контрольного условия.

Зависимые переменные

В этом исследовании были выделены три показателя, которые могут быть использованы для измерения отношения к разным социальным группам: когнитивный (групповое доверие), эмоциональный (групповая симпатия) и поведенческий (социальная дистанция) компоненты отношения. Это позволило разделить влияние напоминания о смерти на разные компоненты отношения.

Групповое доверие. Для измерения группового доверия респонденты должны были оценить степень доверия к мигрантам из Центральной Азии по 10-балльной шкале от «1» (совсем не доверяю) до «10» (полностью доверяю).

Групповая симпатия. Для измерения симпатии респонденты должны были оценить свое отношение к мигрантам из Центральной Азии по 100-балльной шкале от «0» (холодное) до «100» (теплое).

Социальная дистанция. Для измерения социальной дистанции участники исследования должны были оценить свое желание взаимодействовать с мигрантами из Центральной Азии в различных социальных ситуациях, предполагающее близкое общение. Оценка производилась с частичным использованием методики, которую разработали Гулевич и коллеги (Gulevich et al., 2015). Респонденты соглашались или не соглашались с пятью утверждениями, выражая свое отношение по 5-балльной шкале, от «1» (совершенно не согласен) до «5» (совершенно согласен). Более высокие значения отражали большее желание взаимодействовать с мигрантами из Центральной Азии.

Процедура

Исследование проводилось в онлайн-формате. Выборка была собрана благодаря распространению Google Формы. Респонденты приглашались для участия в исследовании, посвященном изучению отношения к мигрантам. Участники рандомизированно были разделены на 2 группы (межгрупповой дизайн) с помощью следующего условия: в контрольную группу (лечение зубов) попадали респонденты, чей день рождения соответствует четному числу, а в экспериментальную группу (напоминание о смерти) те, чей день рождения является нечетным числом.

Экспериментальные условия были уравнены по количеству респондентов на этапе обработки данных (в условии напоминания о смерти оказалось на одного респондента больше, поэтому его данные были исключены). Перед началом прохождения эксперимента респонденты давали согласие на участие.

После вышеописанных процедур, участники исследования смотрели видеозапись с изображением лечения зубов или репортаж о террористическом акте в Беслане 2004 года, заполняли методику для контроля напоминания о смерти и выражали свое отношение к мигрантам из Центральной Азии. В конце экспериментальной сессии респонденты получали контакты исследователей, у которых, при наличие интереса, можно было более подробно узнать о целями исследования, и смотрели на милые фотографии с изображениями котят для поднятия настроения. Экспериментальная сессия длилась около 20 минут.

Результаты

Контроль экспериментального воздействия

Анализ результатов проводился в среде R (версия 4.4.2; R Core Team, 2024) с использованием пакетов ggplot2 и tidyverse. Чтобы проверить эффективность напоминания о смерти, сравнивались количество слов, связанных со смертью у людей, которые смотрели видеозаписи террористических актов и лечения зубов. Тест Манна-Уитни показал наличие значимых различий. Респонденты из экспериментального условия упоминали больше слов, которые связан со смертью, чем респонденты из контрольного условия ($M_{смерть} = 2.58$, $M_{контроль} = 1.26$, $U = 1059$, $p < 0.001$).

Основной анализ

Для проверки гипотез использовался тест Манна-Уитни. Описательные статистики результатов исследования представлены в Таблице 1.

Таблица 1

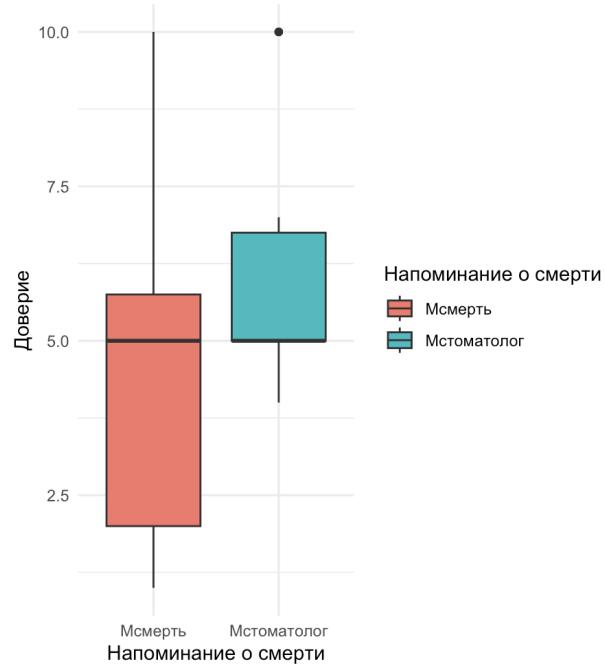
Описательные статистики — отношение к мигрантам из Центральной Азии

	Напоминание о смерти		Напоминание о лечении	
	M	SD	M	SD
Социальная дистанция	3.27	1.17	3.11	0.95
Доверие	4.32	2.42	5.76	1.73
Симпатия	32.40	27.80	62.80	18.40

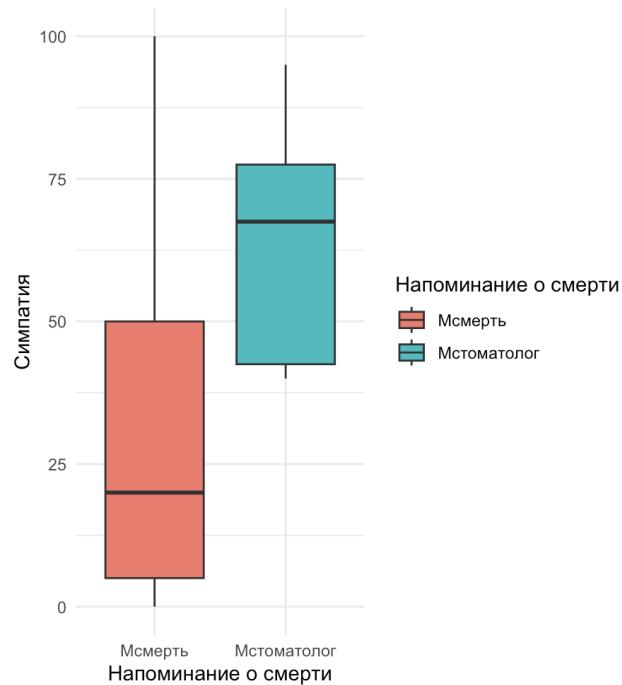
Как и предполагалось, напоминание о смерти повлияло на отношение к мигрантам из Центральной Азии в таких аспектах отношения, как доверие ($U = 469, p = 0.003, r_{\text{р}\beta} = 0.35$) и симпатия ($U = 295, p < 0.001, r_{\text{р}\beta} = 0.60$). После воздействия стимула, призванного вызвать напоминание о смерти, участники демонстрировали меньшее доверие ($M_{\text{контроль}} = 5.76 M_{\text{смерть}} = 4.32$) и меньшую симпатию ($M_{\text{контроль}} = 62.80, M_{\text{смерть}} = 32.40$) к мигрантам из Центральной Азии. В то же время напоминание о смерти не оказывало влияния на социальную дистанцию ($U = 658, p = 0.749, r_{\text{р}\beta} = -0.09$). Эти результаты подтверждают гипотезу 1 относительно эмоционального и когнитивного компонентов отношения к мигрантам из Центральной Азии, но опровергают эту гипотезу относительно поведенческого компонента отношений.

Рисунок 1

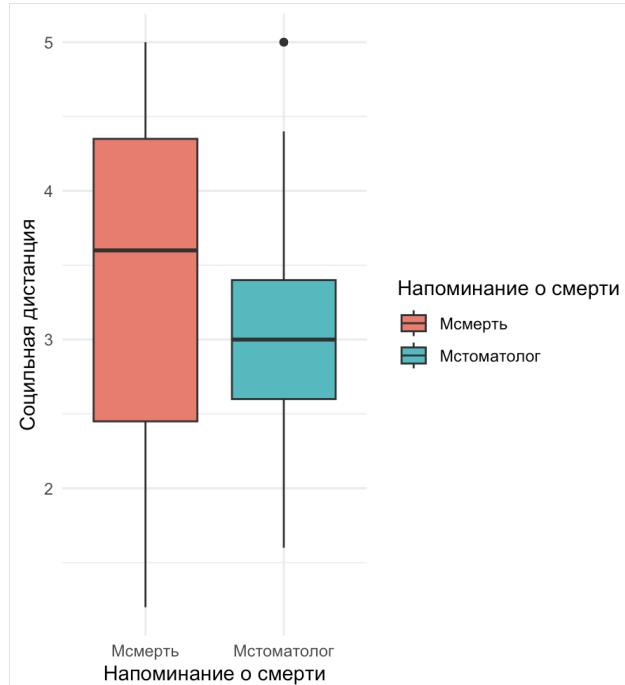
Влияние напоминания о смерти на отношение к мигрантам из Центральной Азии

(а) Доверие к мигрантам из Центральной Азии

(б) Симпатия к мигрантам из Центральной Азии

(в) Социальная дистанция с мигрантами из Центральной Азии

Обсуждение

В данном исследовании рассматривалась связь между напоминанием о смерти и разными компонентами отношений к мигрантам из Центральной Азии.

Предполагалось, что в условии напоминания о смерти люди должны демонстрировать более негативное отношение к мигрантам из Центральной Азии, потому что те вызывают у них ощущение угрозы. Для проверки этих предположений было проведено экспериментальное исследование, участники которого оценивали свое отношение к мигрантам из Центральной Азии после просмотра видеороликов с различным содержанием: либо с напоминанием о смерти (репортаж о террористическом акте), либо с лечением зубов (отсутствие напоминания о смерти).

Наши результаты подтвердили предположение о влиянии напоминания о смерти на отношение к мигрантам из Центральной Азии. В частности, исследование показало, что видеофрагменты с репортажем о террористическом акте оказывает более негативное влияние на отношение к мигрантам из Центральной Азии, чем видеофрагменты с лечением зубов, не напоминающие о смерти.

Согласно теории управления страхом смерти, это различие вызвано необходимостью психологической защиты. Мигранты из Центральной Азии воспринимаются как источник угрозы для своей страны, ставят под сомнение

распространенное в ней культурное мировоззрение. Как следствие, при напоминании о смерти люди реагируют на мигрантов из Центральной Азии более негативно.

Это различие ярче проявляется на эмоциональном и на когнитивном, но не на поведенческом уровне: напоминание о смерти оказывает большее влияние на выражение доверия и симпатии по отношению к мигрантам из Центральной Азии, чем на готовность общаться с ними. Есть несколько предположений, почему это может происходить.

Во-первых, в подобном эффекте напоминания о смерти на различные аспекты отношения может играть роль разная степень автоматизма реакций. Сочувствие и доверие — более автоматические и подвержены влиянию бессознательных защитных механизмов ТМТ. Напоминание о смерти усиливает потребность в защите культурного мировоззрения, что ведет к большей негативности в оценках "чужих". Социальная дистанция же представляет собой поведение, то есть более осознанный и контролируемый процесс, зависящий от социальных норм, контекста и личного опыта. Даже если человек испытывает меньше доверия, он может рационализировать и сохранять прежний уровень взаимодействия.

Из этого вытекает второе предположение. Возможно, подобный эффект достигается посредством того, что симпатия и доверие отражают позитивное отношение к группе в целом. Подобное позитивное отношение формируется на основе стереотипного представления о группе. В то же время социальная дистанция (готовность к коммуникации) зависит не только от общего представления индивида о группе, но также и от обстоятельств, при которых происходит общение. Например, значимым индивидуальным фактором готовности к близкому взаимодействию может являться незнание языка, ведь далеко не все мигранты из Центральной Азии в достаточной степени владеют русским языком.

Третье предположение связано с социальной желательностью. Вопросы о социальной дистанции могут подвергаться эффекту социальной желательности. Люди склонны давать более толерантные ответы, даже если внутренне испытывают дискомфорт. В отличие от этого, эмоциональные и когнитивные оценки, вероятно, менее подвержены этому эффекту.

Специфика результатов также может быть связана с социально-политическим контекстом (информационные рамки, которые люди получают через СМИ), потому что в последние годы в России происходили события, способные негативно повлиять на желание близкого контакта с мигрантами из Центральной Азии.

Данное исследование не лишено недостатков. Стоит отметить несколько значимых ограничений: гендерный дисбаланс, отсутствие социо-демографических характеристик респондентов, не ясна роль социально-политических установок, отсутствует верификация воспринимаемой межгрупповой угрозы, влияние социально-политического контекста и роли официальных СМИ в современной России. Рассмотрим каждое ограничение подробнее.

Во-первых, в данных присутствует явный гендерный дисбаланс. Подавляющее большинство респондентов — это женщины, поэтому выборка не может считаться до конца репрезентативной.

Во-вторых, в данных отсутствует информация о такой социо-демографической характеристике как уровень образования участников исследования. Из-за специфики мест, где распространялась Google Форма (чаты университета) большинство респондентов либо имеют высшее образование, либо находятся в процессе получения. Более ранние социологические исследования показали, что люди с высшим образованием демонстрируют более позитивное отношение к различным аутгруппам (к мигрантам в том числе) по сравнению с теми группами респондентов, кто имеет более низкий уровень образования (Ксенофобия и национализм, 2015). Следовательно, в дальнейших исследованиях требуется учитывать уровень образования респондентов и стараться сформировать более разнообразную с этой точки зрения выборку.

В-третьих, в данных отсутствует информация о такой социо-демографической характеристике как уровень дохода участников исследования. Некоторые исследователи утверждают, что люди с более низким доходом склонны демонстрировать более негативное отношение к мигрантам в связи с воспринимаемой экономической угрозой (Baccini et al., 2024), что также может вносить изменения в результаты текущего исследования. Следовательно, в следующие работы требуют учитывать уровень дохода респондентов.

В-четвертых, данные не учитывают роль таких социально-политических установок как правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование. Существуют множество исследований, которые говорят о их непосредственном влиянии на отношение к аутгруппам, в частности к мигрантам (например, Hodson, Dhont, 2015). Дальнейшие исследования должны учитывать это стабильное влияние.

Пятое ограничение заключается в том, что в исследовании не учитывалась особая роль воспринимаемой межгрупповой угрозы. Наличие угрозы со стороны мигрантов из Центральной Азии не было верифицировано и является некоторым допущением

исследования, которое существует благодаря данным многочисленных социологических исследований, которые упоминались ранее. В дальнейших работах следует воспользоваться методикой воспринимаемой межгрупповой угрозы для анализа того, как мигранты из Центральной Азии воспринимаются участниками исследования. Возможно, стоит провести более сложный эксперимент, добавив еще одну независимую переменную в виде мигрантов из стран, к которым граждане России относятся более позитивно. Например, мигрантов из Беларуси.

Последнее, по нашим предположениям, ограничение состоит в том, что специфика результатов исследования может быть связана с социо-политическим контекстом, потому что данные собирались в особый для России период. Как упоминалось ранее, участники эксперимента могли смотреть материалы официальных российских СМИ, в которых мигранты из Центральной Азии, зачастую, предстают в неблагоприятном свете, а в последние годы в особенности. Данный социально-политический контекст мог независимо повлиять на отношения к мигрантам в нашем исследовании. Подобное отношение может быть опосредовано особенностями новостных рамок, которые люди получают через официальные государственные медиа.

Результаты настоящего исследования вносят вклад в изучение связи между напоминанием о смерти и отношением к аутгруппам в конкретных культурных контекстах. Также исследование показывает, как это влияние зависит от особенностей группы и аспектов отношения.

Дальнейшие исследования должны быть ориентированы на анализ широкого спектра национальных аутгрупп, межгрупповых угроз и дополнительных социо-политических установок (правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование), которые могут оказывать более стабильное влияние на отношение к мигрантам.

Список литературы

- Baccini, L., Lodefalk, M., & Sabolová, R. (2024). Economic Determinants of Attitudes Toward Migration: Firm-level Evidence from Europe. *International Organization*, 78(1), 67–102. <https://doi.org/10.1017/s0020818323000255>
- Bassett, J. F., & Connelly, J. N. (2011). Terror management and reactions to undocumented immigrants: Mortality salience increases aversion to culturally dissimilar others. *The*

Journal of Social Psychology, 151(2), 117–120.

<https://doi.org/10.1080/00224540903365562>

Castano, E., Yzerbyt, V., Paladino, M., & Sacchi, S. (2002). I Belong, therefore, I Exist: Ingroup Identification, Ingroup Entitativity, and Ingroup Bias. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 28(2), 135–143. <https://doi.org/10.1177/0146167202282001>

Cohen, F., Jussim, L., Harber, K. D., & Bhasin, G. (2009). Modern anti-Semitism and anti-Israeli attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97(2), 290–306. <https://doi.org/10.1037/a0015338>

Das, E., Bushman, B. J., Bezemer, M. D., Kerkhof, P., & Vermeulen, I. E. (2008). How terrorism news reports increase prejudice against outgroups: A terror management account. *Journal of Experimental Social Psychology*, 45(3), 453–459. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2008.12.001>

Feng, C., Azarian, B., Ma, Y., Feng, X., Wang, L., Luo, Y., & Krueger, F. (2016). Mortality salience reduces the discrimination between in-group and out-group interactions: A functional MRI investigation using multi-voxel pattern analysis. *Human Brain Mapping*, 38(3), 1281–1298. <https://doi.org/10.1002/hbm.23454>

Greenberg, J., Pyszczynski, T., Solomon, S., Simon, L., & Breus, M. (1994). Role of consciousness and accessibility of death-related thoughts in mortality salience effects. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(4), 627–637. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.4.627>

Greenberg, J., Pyszczynski, T., Solomon, S., Rosenblatt, A., Veeder, M., Kirkland, S., & Lyon, D. (1990). Evidence for terror management theory II: The effects of mortality salience reactions to those who threaten or bolster the cultural worldview. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58, 308-318. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.58.2.308>

Gulevich, O. A., Sarieva, I. R., & Prusova, I. S. (2015). Ethnic Prejudices in Russia: Questionnaire Adaptation for the Measurement of Prejudices towards Migrants. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 12(2), 112-132. https://psy-journal.hse.ru/data/2015/11/16/1081314063/PJHSE_2_2015_112_132.pdf

Pan, P., Zhou, S., & Hayes, M. T. (2017). Immigrant perpetrators in the news: A terror management approach to resultant hostility, perceived vulnerability, and immigration issue judgment. *Journal of International and Intercultural Communication*, 10(3), 219–236. <https://doi.org/10.1080/17513057.2017.1280525>

- Pyszczynski, T., Solomon, S., & Greenberg, J. (2003). Terror management research: prejudice and self-esteem striving. In The wake of 9/11: The psychology of terror (pp. 71–92). Washington, DC: American Psychological Association.
- Pyszczynski, T., Solomon, S., & Greenberg, J. (2015). Thirty Years of Terror Management Theory. In Advances in experimental social psychology (pp. 1–70). <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2015.03.001>
- Prokhoda, V. A. (2017). Attitude towards migrants in modern Russia. Demographic Potential of the EAEU Countries: VIII Ural Demographic Forum, *2*, 349–352.
- Prusova, I., & Gulevich, O. (2019). The Effect of Mortality Salience on Attitudes Toward National Outgroups. SSRN Electronic Journal. <https://doi.org/10.2139/ssrn.333841>
- Ксенофобия и национализм. (2015). Режим доступа: <https://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/>
- Отношение россиян к мигрантам из Центральной Азии. (2024). Режим доступа: <https://russianfield.com/migration>
- Прусова, И., & Гулевич, О. (2020). Влияние напоминания о смерти на отношение к другим странам: роль правого авторитаризма. *Психология Журнал Высшей Школы Экономики*, 17(3), 520–536. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-3-520-536>